

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ЛИТЕРАТУРА. 2022–2023 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 9 КЛАСС
ЗАДАНИЯ, ОТВЕТЫ И КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ

Максимальный балл за всю работу – 80.

I. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1880–1925)

ЭКЗАМЕНАЦИОННАЯ ЗАДАЧА

Когда учитель громко продиктовал задачу, все записали её, и учитель, вынув часы, заявил, что даёт на решение задачи двадцать минут, – Семён Панталыкин провёл испещрённой чернильными пятнами ладонью по круглой головёнке и сказал сам себе:

– Если я не решу эту задачу – я погиб!..

У фантазёра и мечтателя Семёна Панталыкина была манера – преувеличивать все события, все жизненные явления и, вообще, смотреть на вещи чрезвычайно мрачно.

Встречал ли он мальчика больше себя ростом, мизантропического сурового мальчика обычного типа, который, выдвинув вперёд плечо и правую ногу и оглядевшись – нет ли кого поблизости, – ехидно спрашивал: «Ты чего задаёшься, говядина несчастная?», – Семён Панталыкин бледнел и, видя уже своими духовными очами призрак витающей над ним смерти, тихо шептал:

– Я погиб.

Вызывал ли его к доске учитель, опрокидывал ли он дома на чистую скатерть стакан с чаем – он всегда говорил сам себе эту похоронную фразу:

– Я погиб.

Вся гибель кончалась парой затрецин в первом случае, двойкой – во втором и высылкой из-за чайного стола – в третьем.

Но так внушительно, так мрачно звучала эта похоронная фраза: «Я погиб», – что Семён Панталыкин всюду совал её.

Фраза, впрочем, была украдена из какого-то романа Майн Рида¹, где герои, влезши на дерево по случаю наводнения и ожидая нападения индейцев – с одной стороны и острых когтей притаившегося в листве дерева ягуара – с другой, – все в один голос решили:

– Мы погибли.

Для более точной характеристики их положения необходимо указать, что в воде около дерева плавали кайманы, а одна сторона дерева дымилась, будучи подожжённой молнией.

¹ Томас Майн Рид – английский писатель XIX в., автор авантюрно-приключенческих романов.

* * *

Приблизительно в таком же положении чувствовал себя Панталыкин Семён, когда ему не только подсунули чрезвычайно трудную задачу, но ещё дали на решение её всего-навсего двадцать минут.

Задача была следующая:

«Два крестьянина вышли одновременно из пункта А в пункт Б, причём один из них делал в час четыре версты, а другой пять. Спрашивается, на сколько один крестьянин придёт раньше другого в пункт Б, если второй вышел позже первого на четверть часа, а от пункта А до пункта Б такое же расстояние в вёрстах, сколько получится, если два виноторговца продали третьему такое количество бочек вина, которое дало первому прибыли сто двадцать рублей, второму восемьдесят, а всего бочка вина приносит прибыли сорок рублей».

Прочтя эту задачу, Панталыкин Семён сказал сам себе:

– Таковую задачу в двадцать минут? Я погиб!

Потеряв минуты три на очинку карандаша и на наиболее точный перегиб листа линованной бумаги, на которой он собирался развернуть свои математические способности, Панталыкин Семён сделал над собой усилие и погрузился в обдумывание задачи.

Бедный Панталыкин Семён! Ему дали отвлечённую математическую задачу в то время, как он сам, целиком, весь, с головой и ногами, жил только в конкретных образах, не постигая своим майнридовским умом ничего абстрактного.

Первым долгом ему пришла в голову мысль:

– Что это за крестьяне такие: «первый» и «второй»? Эта сухая номенклатура ничего не говорит ни его уму, ни его сердцу. Неужели нельзя было назвать крестьян простыми человеческими именами?

Конечно, Иваном или Василием их можно и не называть (инстинктивно он чувствовал прозаичность, будничность этих имён), но почему бы их не окрестить – одного Вильямом, другого Рудольфом?

И сразу же, как только Панталыкин перекрестил «первого» и «второго» в Рудольфа и Вильяма, оба сделались ему понятными и близкими. Он уже видел умственным взором белую полосу от шляпы, выделявшуюся на лбу Вильяма, лицо которого загорело от жгучих лучей солнца... А Рудольф представлялся ему широкоплечим мужественным человеком, одетым в синие парусиновые штаны и кожаную куртку из меха речного бобра.

И вот – шагают они оба, один на четверть часа впереди другого...

Панталыкину пришёл на ум такой вопрос:

– Знакомы ли они друг с другом, эти два мужественных пешехода? Вероятно, знакомы, если попали в одну и ту же задачу... Но если знакомы – почему они не сговорились идти вместе? Вместе, конечно, веселее, а что один делает в час на версту больше другого, то это вздор – более быстрый мог бы деликатно понемногу сдерживать свои широкие шаги, а медлительный мог бы и прибавить немного шагу. Кроме того, и безопаснее вдвоём идти – разбойники ли нападут или дикий зверь...

Возник ещё один интересный вопрос:

– Были у них ружья или нет?

Пускаясь в дорогу, лучше всего захватить ружья, которые даже в пункте Б могли бы пригодиться, в случае нападения городских бандитов – отребья глухих кварталов.

Впрочем, может быть, пункт Б – маленький городок, где нет бандитов?..

Вот опять тоже – написали: пункт А, пункт Б... Что это за названия? Панталыкин Семён никак не может представить себе городов или сёл, в которых живут, борются и страдают люди, под сухими бездушными литерками. Почему не назвать один город Санта-Фе, а другой – Мельбурном?

И едва только пункт А получил название Санта-Фе, а пункт Б был преобразован в столицу Австралии, – как оба города сделались понятными и ясными... Улицы сразу застроились домами причудливой экзотической архитектуры, из труб пошёл дым, по тротуарам задвигались люди, а по мостовым забегали лошади, неся на своих спинах всадников – диких, приехавших в город за боевыми припасами, вакеро² и испанцев, владельцев далёких гациенд...³

Вот в какой город стремились оба пешехода – Рудольф и Вильям...

Очень жаль, что в задаче не упомянута цель их путешествия? Что случилось такое, что заставило их бросить свои дома и спешить, сломя голову, в этот страшный, наполненный пьяницами, карточными игроками и убийцами, Санта-Фе?

И ещё – интересный вопрос: почему Рудольф и Вильям не воспользовались лошадьми, а пошли пешком? Хотели ли они идти по следам, оставленным кавалькадой гверильясов⁴, или просто прошлой ночью у их лошадей таинственным незнакомцем были перерезаны поджилки, дабы они не могли его преследовать, – его, знавшего тайну бриллиантов Красного Носорога?..

Всё это очень странно... То, что Рудольф вышел на четверть часа позже Вильяма, доказывает, что этот честный скваттер не особенно доверял Вильяму и в данном случае решил просто проследить этого сорвиголову, к которому вот уже три дня подряд пробирается ночью на взмыленной лошади креол в плаще.

...Подперев ручонкой, измазанной в мелу и чернилах, свою буйную, мечтательную, отуманенную образами голову – сидит Панталыкин Семён.

И постепенно вся задача, весь её тайный смысл вырисовывается в его мозгу.

² Вакеро – мексиканский ковбой.

³ Гациенда (гасиенда, асьенда) – крупное поместье или ферма.

⁴ Гверильясы – в данном случае: мексиканские бандиты.

* * *

Задача:

...Солнце ещё не успело позолотить верхушек тамариндовых деревьев, ещё яркие тропические птицы дремали в своих гнёздах, ещё чёрные лебеди не выплывали из зарослей австралийской кувшинки и желтоцвета, – когда Вильям Блокер, головорез, наводивший панику на всё побережье Симпсон-Крика, крадучись шёл по еле заметной лесной тропинке... Делал он только четыре версты в час – более быстрой ходьбе мешала больная нога, подстреленная вчера его таинственным недругом, спрятавшимся за стволом широколиственной магнолии.

– Каррамба! – бормотал Вильям. – Если бы у старого Биля была сейчас его лошадёнка... Но... пусть меня разорвёт, если я не найду негодяя, подрезавшего ей поджилки. Не пройдёт и трёх лун!

А сзади него в это время крался, припадая к земле, скваттер Рудольф Каутерс, и его мужественные брови мрачно хмурились, когда он рассматривал, припав к земле, след сапога Вильяма, отчётливо отпечатанный на влажной траве австралийского леса.

– Я бы мог делать и пять вёрст в час (кстати, почему не «миль» или «ярдов?»), – шептал скваттер, – но я хочу выследить эту старую лисицу.

А Блокер уже услышал сзади себя шорох и, прыгнув за дерево, оказавшееся эвкалиптом, притаился...

Увидев ползшего по траве Рудольфа, он приложился и выстрелил.

И, схватившись рукой за грудь, перевернулся честный скваттер.

– Хо-хо! – захохотал Вильям. – Меткий выстрел. День не пропал даром, и старый Биль доволен собой...

* * *

– Ну, двадцать минут прошло, – раздался, как гром в ясный погожий день, голос учителя арифметики. – Ну что, все решили? Ну, ты, Панталыкин Семён, покажи: какой из крестьян первый пришёл в пункт Б.

И чуть не сказал бедный Панталыкин, что, конечно, в Санта-Фе первым пришёл негодяй Блокер, потому что скваттер Каутерс лежит с простреленной грудью и предсмертной мукой на лице, лежит одинокий в пустыне, в тени ядовитого австралийского «змеиного дерева»!..

Но ничего этого не сказал он. Прохрипел только: «не решил... не успел...».

И тут же увидел, как жирная двойка ехидной гадюкой зазмеилась в журнальной клеточке против его фамилии.

– Я погиб, – прошептал Панталыкин Семён. – На второй год остаюсь в классе. Отец выдерет, ружья не получу, «Вокруг света» мама не выпишет...

И представилось Панталыкину, что сидит он на развалине «змеиного дерева»... Внизу бушует разлившаяся после дождя вода, в воде щелкают зубами кайманы, а в густой листве прячется ягуар, который скоро прыгнет на него, потому что огонь, охвативший дерево, уже подбирается к разъярённому зверю...

Я погиб!

(1914)

Вариант 2

Иван Андреевич Крылов (1769–1844)

К СОЛОВЬЮ

Отчего сей свист унылый,
Житель рощей, друг полей?
Не из города ль, мой милый,
Прилетел ты, соловей?
Не из клетки ль на свободу
Выпорхнул в счастливый час
И, ещё силка страшась,
Робко так поёшь природу?
Ах! не бойся – и по воле
Веселись, скачи и пой;
Здесь не в городе мы – в поле;
За прекрасный голос свой
В клетке здесь не насидишься
И с подружкой дорогой
За него не разлучишься.
Позабудь людей, друг мой:
Все приманки их – отравы;
Все их умыслы – лукавы.
Здесь питьё и корм простой,
Но вкуснее он на ветке,
При свободе чувств своих,
Нежель корм богатый их
В золотой и пышной клетке.

(1790-е)

Критерии оценки

Для удобства оценивания предлагаем ориентироваться на школьную четырёх-балльную систему. Так, при оценке по первому критерию 0 баллов соответствуют «двойке», 5 баллов – «тройке», 10 баллов – «четвёрке» и 15 баллов – «пятерке». Безусловно, возможны промежуточные варианты (например, 8 баллов соответствуют «четвёрке с минусом»).

Критерии оценивания	Баллы
К I.1 Понимание текста: последовательное и адекватное раскрытие смысла текста в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15	15
К I.2 Композиционная стройность работы, её общая логика и стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10	10
К I.3 Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
К I.4 Наличие/отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
К I.5 Общая грамотность (наличие/отсутствие речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок). Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
Итого	40 баллов

II. [40 баллов] МУЗЕЙНАЯ ВИТРИНА: ОТ ЭПИГРАФА К ВЕЩАМ-ЭКСПОНАТАМ

Вы сотрудник Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля и принимаете участие в подготовке выставки «Любимые вещи русских писателей». Вам необходимо описать вещи писателя XVIII и/или XIX века, которые экспонируются на витрине (стенде) музея. Предложенный эпиграф может послужить ключом для вашей художественной фантазии.

Эпиграф:

*И вновь ты другом будешь ей,
Как был и мне, мой перстень верный.*

Дмитрий Веневитинов

1) Предложите кандидатуру русского писателя XVIII–XIX века для выставки и назовите вещи, которые ему принадлежали (могли бы принадлежать).

2) Опишите внешний вид 1–2 вещей, принадлежавших этому писателю, и создайте музейную «легенду» для каждой вещи (историю вещи: как она была связана с биографией писателя и каким образом попала в музей), чтобы экскурсовод музея мог рассказать о ней посетителям. Историю вещи и описание её внешнего вида **придумайте самостоятельно. Пишите свободно, интересно, ярко: посетители музеев любят таинственные и захватывающие истории.**

3) Объясните ход своих рассуждений и аргументированно обоснуйте свои фантазии по поводу выставленных вещей-экспонатов.

4) Подберите или сочините ещё один поэтический эпиграф к стенду (витрине), подходящий по смыслу к предложенному эпиграфу и указывающий на подобную или сходную вещь. Кратко опишите содержание и/или историю предложенного вами эпиграфа, укажите его автора.

Оцениваются: оригинальность истории, подробность, логика, обоснованность подбора второго эпиграфа, богатство речи.

До 5 дополнительных баллов даётся тем участникам олимпиады, кто раскроет историю стихотворения Д. Веневитинова, откуда взяты представленные в эпиграфе строчки, и расскажет об истории вещи, упомянутой в эпиграфе.

Критерий оценки	Баллы
К II.1 Кандидатура писателя названа (любая ошибка в имени, фамилии или отчестве – минус 1 балл)	0–2
К II.2 Внешний вид вещи (экспоната) описан подробно, выразительно	0–8
К II.3 Музейная «легенда» вещи (экспоната) рассказана динамично, живо, эмоционально, ярко, с развёрнутым сюжетом и занимательным действием, в котором принимают участие названные ранее писатели (и/или их друзья и возлюбленные)	0–10
К II.4 Логика выбора и экспонирования вещей аргументирована, обоснована их связь с предложенным эпитафием; придуманная история вещи ярка и оригинальна	0–5
К II.5 Второй эпитафия соответствует первому по смыслу, в том числе имея в виду схожесть и тождественность указанных в эпитафиях вещей	0–5
К II.6 Разнообразие синтаксических конструкций, богатство литературной и научной речи, композиционная свобода владения материалом	0–5
К II.7 Дополнительные баллы за рассказ об истории перстня Вневитинова, подаренного ему Зинаидой Волконской, и о пророчестве поэта в стихотворении	0–5
<i>Итого</i>	40 баллов

Примерный ответ:

1. Поэт Антон Дельвиг.

2. Серебряный перстень с голубым сапфиром и оправой, сделанной в виде двух переплетённых змей. Перстень был подарен Дельвигу Пушкиным в Лицейский день 1831 года.

Пушкин, в свою очередь, получил этот перстень в подарок от цыганки Земфиры, в которую он был влюблён во время ссылки под Кишинёвом, когда он кочевал вместе с цыганским табором в течение двух недель. Она говорила ему, что ей этот перстень достался от матери, табор которой раскинулся неподалёку от Лондона. Туда захаживал лорд Байрон, оставивший в подарок этот перстень её матери за её великолепное цыганское пение, которым Байрон наслаждался всё время пребывания табора в Англии. Перстень попал в Государственный литературный музей в качестве дара музею от дальней родственницы Дельвига, ныне живущей в немецком Гейдельберге и преподающей в знаменитом университете русскую литературу. (Описание перстня и история вымышленные.)

3. Эпитафия рассказывает о перстне поэта. Он передаёт его возлюбленной, жизнь которой перстень-талисман должен сохранить, как некогда хранил жизнь самого поэта. Значит, история перстня должна включать в себя эпизоды биографии названного мной поэта и его друга Пушкина, а также его возлюбленной.

4. Второй эпитаф: «Храни меня, мой талисман».

Речь идёт о перстнях-талисманах Дмитрия Веневитинова и Пушкина. Второй эпитаф взят из стихотворения Пушкина «Храни меня, мой талисман». Пушкину его возлюбленной Элизой Воронцовой в Одессе во время их прощания был подарен перстень (большое литое золотое кольцо с крупным 8-угольным сердоликом красноватого или жёлтого цвета), который он считал своим талисманом, предохранявшим его о смерти. Этот перстень был нарисован на портрете поэта кисти Тропинина, но Пушкин повернул перстень камнем в сторону ладони, чтобы не скомпрометировать Воронцову. Согласно легенде, в день дуэли с Дантесом он не надел его на палец. Этот перстень на смертном одре Пушкин передал В.А. Жуковскому, Жуковский завещал перстень-печатку И.С. Тургеневу с просьбой передавать и дальше, чтобы ею владел самый достойный представитель отечественной литературы. Тургенев оставил перстень Льву Толстому, а тот отдал в коллекцию Царскосельского лицея, где к тому времени уже был музей. Завещание оказалось нарушено, и перстень пропал в 1917 году.

Дополнительные баллы (до 5 баллов). Двадцатидвухлетний поэт Дмитрий Веневитинов был безответно влюблён в княгиню Зинаиду Волконскую, которая была его старше. Она подарила ему бронзовый перстень, найденный во время раскопок в городе Геркулануме, погибшем при извержении вулкана Везувия. Веневитинов заявил, что наденет перстень либо перед свадьбой, либо перед смертью. Он написал стихотворение «К моему перстню», где предсказал, что спустя века его прах потревожат и снимут с пальца перстень. Вскоре поэт действительно простудился и тяжело заболел. Врачи после консилиума констатировали безнадежность состояния Веневитинова и объявили, что больному осталось жить не более двух дней. Веневитинов попросил друзей, чтобы его похоронили в Москве, в Симоновом монастыре. Когда он впал в забытие, его друг Фёдор Хомяков надел на его палец перстень, подаренный Волконской. Внезапно Веневитинов очнулся и спросил: «Разве меня венчают?» и умер. Как писал Веневитинов в своём стихотворении:

*Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нём тебя отроет вновь;
И снова робкая любовь
Тебе прошепчет суеверно
Слова мучительных страстей,
И вновь ты другом будешь ей,
Как был и мне, мой перстень верный.*

В 1930 году Симонов монастырь взорвали, и в связи со сносом части построек было решено перенести прах Веневитинова на Новодевичье кладбище. Могилу вскрыли, с безымянного пальца правой руки сняли бронзовый перстень. Его передали в Государственный литературный музей, где он до сих пор и хранится.